

По пути в Туапсе, в калейдоскопе воспоминаний о Великой Отечественной войне в памяти почему-то возникли давно увиденные кадры документального фильма о судебном процессе в Краснодаре. Судили предателей Родины — фашистских прихвостней — полицаяв и старост. Это они расстреливали мирных граждан, попавших в плен партизан, добывали раненых бойцов и командиров, выслеживали и предавали подпольщиков. Суд воздал им должное, кучка продажных бандитов была приговорена к смертной казни через повешение, казнь состоялась принародно на одной из площадей столицы освобожденного от корячьей чумы края. Как могли они, спрятав от глаз людских свои советские паспорта, предать свой же народ? Во имя чего? Жалких подачек со стола эсэсовских офицеров?

Однако цель моей поездки была иной. Предстояло разыскать и познакомиться с двумя женщинами-подвижницами, услышать их рассказы о трудных днях войны, об увиденном и пережитом, о том, как они живут сегодня.

ЧУЖИХ МОГИЛ НЕ БЫВАЕТ

На 130-м километре автостраты Туапсе—Краснодар есть дорожный знак «Фанагорийское-15». Направо от него ведет дорога к этому селу. Председатель Фанагорийского сельсовета Галина Александровна Карпова сказала, что ехать нам к Аршалуйс Ханжиян надо дальше, еще 10 километров, в Первую Поднавислу.

И вот навстречу нам идет с большой кавказской овчаркой удивительная, необыкновенная женщина. Высокого роста, стройная в свои 74 года, с чуть усталыми глазами, твердой уверенной походкой.

...В начале августа 1942 года нашим войскам, отступавшим от Ростова, с большим трудом удалось оторваться от наседавшей мотопехоты и танков и занять оборону в Краснодаре. Создалась прямая угроза прорыва противника к морю в районы Туапсе и Краснодара, 12 августа, взорвав переправу через Кубань, наши оставили Краснодар. Бой шли целых полгода и у той самой Поднавислы, где жила Аршалуйс с отцом.

— Сплошной линии фронта не было, дрались с противником в двух-трех километрах от нас. Отцу тогда исполнилось семьдесят лет, он проводником партизанским был, и брат мой Карает партизанил, а дом наш стал партизанским госпиталем, — так начала свой рассказ о событиях 45-летней давности Аршалуйс Кеворковна. — Раненых по горным тропам приносили ко мне, лечила их, хлеб пекла, варила из домашних запасов обеды и кормила партизан. Потом с передовой потянулись к нам веревницы искалеченных солдат и командиров. Санбата и госпиталя не было, разместить всех в доме не могли, я на жерди натягивала плащпалатки, защищая от дождя раненых, солому на подстилку носила. Когда подтянули резервы и штабники поселились у нас, две семнадцатилетние медицинские сестры приехали, девочки совсем малые, и стали мы вместе первую помощь оказывать.

Солнечная поляна окружает одинокий дом Аршалуйс Ханжиян. Она ведет меня от одной братской могилы к другой. Скромные безымянные памятники.

— Вот здесь похоронено 200 человек, там — 160, еще 200 под тем большим деревом, и за речкой есть могилы. Всего больше тысячи воинов легли здесь навсегда.

Мы укрылись в тени дерева. Аршалуйс задумалась, обвела взглядом могилы, посмотрела на меня своими добрыми глазами.

— Слухай, а ведь и тебе досталось от немца?

Я ответил ей по-армянски. Она не все поняла, местные армяне говорят на своем наречии, не совсем понятном нам, жителям Армении.

— Меня Мамой-Шурой называли раненые, а я была их

◆ ПАМЯТЬ ПОДВИЖНИЦЫ

старше всего на восемь—десять лет, — сказала Аршалуйс. — Я ведь их на руках переносила, а кого и из ложки кормила. Сильной я была, не то что теперь.

Она и сейчас сильна. Одна управляет с хозяйством, есть у нее небольшая пасека, корова, выводок индюшат во главе с нахохлившимся индюком торжественно шествует по двору. На гряд-

лесах, на перевалах Главного Кавказского хребта.

НА АЭРОДРОМ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Нелегкой оказалась дорога и к Елене Симунян. Распросы в поселке Новомихайловский привели нас в село Пляхо (старое армянское название Морут, что в переводе означает Малинник), на-

На снимке: А. К. Ханжиян.

Фото автора.

ках — фасоль, трехметровые стебли кукурузы вымахали, яблоки сочные на склонившихся до земли ветвях деревьев. Только хлеб она уже не печет, племянник Хачик из Фанагорийского через день приезжает на своем мотоцикле навестить тетушку и свежую буханку привозит.

— Понимаешь, когда последнего похоронили, клятву я дала, что не оставлю их здесь без присмотра. Фамилий не знаю, нет такого списка, но все они для меня родные, многих помню в лицо.

Интернациональное безымянное кладбище... Ухоженные могильные холмики, цветы посажены, скошена трава вокруг сильными руками Аршалуйс. Приезжают сюда в День Победы однополчане из дальних краев, некоторые гостят у Мамы-Шуры неделю-другую, ищут свои позиции, помогают хозяйству, ремонтируют дом и ограды, косят траву на лесных полянках. Не было у Аршалуйс мужа, не было детей, одна она живет, но не одинока.

Районный комитет партии предлагал Аршалуйс Кеворковне переехать в Горячий Ключ, и квартиру благоустроенную выделил. Отказалась: клятве не изменю, да и как одна в городе жить буду. А в краевом центре вздумали возвести в Поднависле плотину, уж очень удобное здесь место для водохранилища. Зная характер хозяйки дома, пригнали бульдозер... ночью. Разбудила хозяйку овчарка по имени Дунай. Взяла Аршалуйс отцовскую охотничью «централку», окликнула ночного гостя — в ответ молчание. Выстрелила в воздух. Обежал бульдозерист. Надежной оказалась охрана братских могил. Отказались люди от затененных холмиков, снести дом. Приняли другое решение — возвести памятник погибшим воинам.

— Для тех, кто пережил войну, чужих могил нет, — так говорят в народе. Сколько их, под обелисками с высеченными на камне именами, скромных за металлической оградой, безымянных на опаленных войной просторах, в тихих ущельях, в степях и

шли и дом Симунянов. А хозяйки нет, она на работе, в пионерлагере «Геолог».

...Шесть лет назад в такой же жаркий летний день школьники из поселка Новомихайловский пошли в поход. Была с ними и Елена Алековна Симунян. Решили они взобраться на вершину одной из гор, что цепочкой тянутся вдоль берега Черного моря.

Обломки упавшего в лес самолета открылись туристам неожиданно. Все замерли, ведь такое можно увидеть только в кино. А тут... Лопасты винта обломаны, согнуты и оплавились. На плоскостях пробиты, разбита кабина. Обугленные человеческие кости.

Потеряла покой с того дня Елена Алековна. Еще несколько раз поднималась она к месту падения самолета, чтобы найти хоть какие-нибудь следы, по которым можно было бы начать поиск. Нашла. Пластинки с надписями «Бак-581, емкость — 520 лит. Для самолета 34 ЗД. Дата изготовления 3 марта 1940 года. КЛ приемщик», «Двигатель 068341. Цилиндр 0644». Вот такая скудная информация.

Елена Алековна поделилась своими мыслями с подругой Евдокией Александровной Одинцовой, которая в 1942—43 гг. работала поваром в одной из частей 4 воздушной армии. Поиск они продолжали вместе, а 9 мая 1985 года поехали в Кировоград на встречу ветеранов полка ночных бомбардировщиков. Рассказали о находке. Посоветовали ветераны обратиться за помощью к московскому военному кинооператору полковнику Игорю Некрасову, прибывшему на встречу для съемок. Он приехал на место падения самолета, снял на пленку обломки, а затем в Москве показал отснятый материал авиационному инженеру И. Султанову — специалисту по истории авиации. Установили тип самолета: И-153 «Чайка», а затем и воинскую часть — 975-й истребительный авиационный полк 236 истребительной дивизии 5 воздушной армии

11 января 1943 года не вернулся с задания на свой аэродром пилоты-сержанты Федоров, Тарелко и Аганичев. Кто же из них погиб в районе горы Лысой? Неожиданно на очерк Некрасова, опубликованный в «Красной звезде» отозвался А. Федоров. Сумел-таки он приземлиться на парашюте в горах, воевал в партизанском отряде, хотя и числился без вести пропавшим. Погибшим пилотом оказался Михаил Карпович Тарелко. Это был его 28-й и последний боевой вылет. Прислали из архивов Елене Алековне копии боевых донесений, биографию пилота и его характеристику. Вместе с Е. Одинцовой начали искать родных и близких погибшего летчика, послали запрос в Белоруссию, в Кличевский район, село Усохи — родину М. Тарелко. Из ответа узнали — жив младший брат Леонид, проживает в г. Тихвине.

Из письма Л. Тарелко Е. Симунян:

«...Я единственный, кто остался жив из нашей семьи... Родители погибли во время войны, мать расстреляли немцы, отец и брат Женя погибли в партизанах. Большое спасибо вам, Елена Алековна, за все, очень рады встретиться с вами, с нетерпением ждем дня, когда можно будет побывать на месте гибели брата, хотим приехать всей семьей...».

В канун Дня Победы, 8 мая 1987 года в центре села Пляхо состоялось торжественное захоронение урны с останками летчика. Приехали семья Л. Тарелко, боевой друг пилота А. Федоров и оператор И. Некрасов. Много теплых слов было сказано в адрес Елены Алековны и Евдокии Александровны, земной поклон им был за возвращение народу еще одного имени героя войны.

ЛЕТЧИКИ НЕ УМИРАЮТ

«Летчики не умирают, а просто улетают и не возвращаются» — это слова из песни. Имя летчика-белоруса Михаила Тарелко вернулось навечно в боевой состав своей воздушной армии, а прах его нашел вечный покой в армянском селе. И памятник с фотографией стоит теперь в этом селе.

Елена Симунян — простая сельская труженица. Когда началось наступление немцев на Кавказ, вместе с одноклассниками строила в Новомихайловском взлетно-посадочную полосу для истребителей. Не осуществилась ее мечта — окончить сельскохозяйственный техникум, трудилась в колхозе.

Трудно без волнения слушать рассказ, читать документы и письма, которые накопились у Елены Алековны за годы поиска. Шестьдесят лет ей, но она не думает уходить на отдых, отдает всю силу труду, украшает своим искусством цветовода большую территорию приморского пионерского лагеря.

— В Подольске мне сказали, — говорит Елена Алековна, — что продолжают поиски еще 65 летчиков, пропавших без вести. Хочу помочь в этом поиске. Хочу, чтобы вокруг была жизнь добрая и чистая.

Подвиг, подвижник, подвижничество. Одного корня слова. И в мирное время есть место подвигу. Разве не совершили подвиг Евдокия Александровна Одинцова, Аршалуйс Кеворковна Ханжиян и Елена Алековна Симунян? Не ради наград и почестей посвятила одна сорок пять лет жизни памяти тысяч погибших воинов, а другие, оставив в сторону домашние дела и заботы, в свои уже немалые годы не раз поднимались на труднодоступные склоны Кавказских гор, ездили по стране, чтобы восстановить одно только имя героя войны. Они — настоящие героини наших дней. Спасибо им за это.

С. МАРКОСЯН,
ветеран войны, спец.
корр. «Коммуниста».
Новомихайловский —
Пляхо-Фанагорийское —
Поднависла.